

Нетривиальный эпатаж

Иосиф Циммерманн

Иосиф Антонович Циммерманн

Нетривиальный эпатаж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70370584

SelfPub; 2024

Аннотация

Бессонная ночь – не всегда зря потерянное время. Открываем глаза и... знакомимся!

Иосиф Циммерманн

Нетривиальный эпатаж

С недавнего времени в наш в общем-то тихий дворик, обнесенный с четырех сторон одинаковыми панельными трехэтажками, повадился заглядывать в стельку пьяный и бесшабашный ночной посетитель.

По природе я жаворонок. Очень смешно сравнивать сто килограммового пенсионера с размером маленькой птички, но так принято говорить. Обычно меня клонит ко сну от одного лишь вида багряного заката солнца. Просыпаюсь же я задолго до рассвета и при этом искренне радуюсь началу нового дня.

Несмотря на то, что я никогда не страдал бессонницей, ночной посетитель, бесцеремонно мешавший спать мне и паре сотен моих соседей, меня особо не расстроил. Даже наоборот – заинтересовал и чуть-чуть обрадовал.

На канарском острове я человек новый. Здесь у меня очень мало друзей и знакомых. Оттого приходится осознанно искать чем себя занять и чем развлечься. Бессонная ночь с бесплатным представлением была как раз кстати.

Администратор домового чата успела разузнать и всем сообщить, что незваным гостем был не кто иной, как бывший муж недавно поселившейся во втором подъезде сеньоры Родригес де Уильямс. Мультинациональная семейная пара до

развода жила в столице острова, городе Лас Пальмас.

Сэр Уильямс, упитанный мужчина лет – таки пятидесяти с лишним отроду, обозначался под стенами нашего дома непременно в полночь с субботы на воскресенье.

Находясь в полной уверенности в том, что на этой недели все повторится, я завел свой будильник на 23.45.

Проснулся раньше звонка. Нагрел воду и заварил литровый термос крепкого кофе. Бутерброды были приготовлены заблаговременно. Усевшись в ногах кровати так, чтобы из окна моей спальни был виден обзор всего двора, я включил видеокамеру с встроенным микрофоном. На всякий случай. А вдруг произойдет что непредвиденное...

К вечеру заметно посвежело. Ртутный столбик прикрепленного к ставням термометра показывал двадцать два выше нуля.

Над едва видимыми силуэтами гор ярко светила полная желтая луна, мерцали небесные самоцветы. Нежданно-негаданно на небосклоне появился длинный шлейф падающей звезды, но я не успел загадать свое сокровенное желание.

Издалека донесся гулкий отзвук грядущего визита. Краем глаза я посмотрел на висящие справа от окна большие часы с зеленой подсветкой циферблата. Металлические: секундная, минутная и часовая стрелки, аккуратно острыми концами вверх слились в этот момент воедино. По главной улице спящего городка на бензиновом скутере мчался злоумышленник. Рев мотора маленького мотоцикла, наверняка, мог

заглушить гул пашущего трактора. Над крышами близлежащих домов, в свете полнолуния, поднимались клубы сизого выхлопного дыма.

Неумолимо приближающийся рокот мотороллера должно быть уже разбудил часть сладко спящих жильцов. В отдельных квартирах отдернули занавески, а в других зажегся свет. В проеме окон появились первые любопытные фигуры. Кто лысый, а кто с растрепанной шевелюрой – соседи перекрикивались между собой. В их голосе пока еще не слышалось открытого негодования, хотя они уже предполагали очередное скандальное представление.

Подобно кулисам и элементам сценографии вдоль фасада дома что напротив с пронзительным ржавым скрипом поползли висевшие там для сушки цветные простыни и одеяльники. Развески передвигались между ставнями окон с помощью бельевых веревок натянутых на ролики, чьи оси давно нуждались в смазке.

– Да ты с ума сошла. – на весь двор прогремел недовольный женский голос.

– А что время зря тратить. – откликнулась обитавшая на верхнем третьем этаже противоположного дома помешанная на постирушках сеньора. Каждый божий день у нее под окнами, нередко затмевая солнечный свет соседям снизу, гордо реяли по ветру всевозможные вещи: от покрывал на двуспальную кровать до кухонных половиков. Более того, женщина бесстыже выставляла на показ, я, конечно извиняюсь,

свои немалого размера труселя и парашютообразные бюстгалтеры. Прямо какой-то "бельевой эксгибиционизм".

– Все равно сейчас не до сна будет. – продолжила она, аккуратно складывая пододеяльник. – Да и белье давно уже высохло.

Мы все ждали, но прозевали тот момент, когда непрощенный гость даже не припарковал, а просто бросил у дворовой калитки свой ядовито зеленого цвета мопед и пробрался под окна соседнего подъезда.

Сэр Уильямс с поднятыми вверх руками, понося свою супругу на чем свет стоит, уже нервно мельтешил по диаметру зеленого пятка, который из ночи в ночь высвечивает на ухоженном палисаднике мощная лампа единственного во дворе фонаря.

– Мис качос эстан када дия кресиендо мас, – жаловался и взывал к небесам вроде как обманутый мужчина, ибо в переводе с испанского фраза означала: "Мои рога увеличиваются с каждым днем".

Англичанин во всеуслышание похабно злословил и даже грязно матерился.

Сеньора Родригес подолгу отмалчивалась, внимательно наблюдая за сценой у подъезда из-за тюлевой занавески, сквозь которую серебряный свет царицы ночей отчетливо очерчивал пышный силуэт желающей остаться незамеченной съемщицы квартиры.

В очередной раз разбуженные скандалом соседи получи-

ли возможность узнать подробности семейной и сексуальной жизни новой жительницы многоквартирного дома. Пожилой англичанин выражался, нисколько не стесняя себя. Его речь все больше приобретала унижительный и даже оскорбительный характер.

Не так давно еще делившая с этим мужчиной семейное ложе и похоже, что привыкшая к подобному обращению, женщина молча выслушивала всю эту гадость. Но лишь до того момента, когда ее бывший, брызгая слюной так, что это было заметно в свете того же тротуарного фонаря, обозвал ее испанским словом “Mierda”.

– Да ты сам дерьмо! – визгливо огрызнулась, высунувшись по пояс из окна, островитянка в неглиже. Ее голос был бодр, высокая прическа и даже в лунном свете заметный макияж говорили сами за себя. Сеньора Родригес ждала гостя.

– Вот интересно, – подумал я. – Почему из всего сочного набора оскорблений и мата на двух языках известных своей многовековой культурой народов, ее почему-то задело только слово, обозначающее дурно пахнущую вещь?

– Я сейчас вызову полицию! – угрожала в полный голос испанка.

– Вызывай, – снисходительно разрешил ее бывший и грозно пообещал, – Я мечтаю рассказать шерифу всю правду о тебе.

В этот момент, плюс – минус мгновенье, к этому дуэту присоединилась почти глухая, но громко лаявшая собака, а

вместе с ней и возмущенный хор давно разбуженных соседей. От всеобщего ора дрожали тонкие стекла единственного алюминиевого окна моей спальни...

– Как это омерзительно, как гадко! – кричала сеньора, страдающая бельевым эксгибиционизмом.

– Время полночь, народ спать хочет.

– Кто он вообще такой? И что ему здесь надо? – интересовался мой сосед сверху, не переставая стучать пепельницей по подоконнику.

– Да не наш он! – чуть ли не хором воскликнули несколько жильцов.

– Какого черта! Кто-нибудь может заткнуть ему глотку?

– Нет, так не может больше продолжаться! Сейчас я точно выйду и набью ему морду. – уже в который раз прозвучал возмущенный мужской голос, хотя нельзя было понять и разглядеть, кто конкретно и откуда это выкрикивает.

Увы или к счастью, но полицию не стали вызывать, да и она скорее всего не приехала бы из-за такого пустяка. Никто из соседей с “чешущимися кулаками” никуда не вышел. Все морды остались целы. Крики затихли и в окнах дома погасли огни.

Я посмотрел на часы: девять минут третьего. Без единого антракта прошло два часа нетривиального эпатажа.

– Ну вот, – подумал я, все еще пялясь на часы, – В итоге, из-за одного “артиста” минимум полторы сотни жильцов двора потеряли уйму драгоценного, желанного и заслужен-

ного после шестидневки спокойного сна. Благо, что это не про меня.

Стал за собой замечать, что память у меня совсем уже не та. Поэтому, взяв на кухне лежащие на холодильнике карандаш и блокнот, обычно использую их для составления списка необходимых продуктов из супермаркета, я поспешил записать все подробности случившегося этой ночью.

Законспектировал все, включая в чем был одет англичанин. Не мог только вспомнить, что было у него на ногах. Вернулся к окну в спальне, но, увы...

Сэр Уильямс исчез с дворовой сцены также незаметно, как и появился...

Ранним утром следующего дня, выгуливая того самого тугоухого самца с хлопковым именем Коттон, которому я довожусь “хозяйином на выходные”, у двери второго подъезда мы нечаянно столкнулись с упитанным мужчиной лет – таки пятидесяти с лишним отроду.

– Good morning. – поприветствовал нас выходящий из дома явно невыспавшийся и помятый, но судя по голосу очень умиротворенный англичанин.

– Да пошел ты! – чисто по-русски ответил я с улыбкой ...